Social'nye i gumanitarnye znanija. 2023. Vol. 9, No 1
journal homepage: http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk

POLITICAL SCIENCE

Some questions of the semantic content of the concept of "revolution" in the political discourse of Russia at the present stage

M. A. Stepanov[1]

[1]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-18-31

Research article
Full text in Russian

The concept of revolution is currently one of the most ambiguous in the system of social and humanitarian knowledge. More and more attention is drawn to the problem of a gradual increase in the scope of this concept, when that is used to designate phenomena that, from the point of view of classical approaches, cannot be characterized as a revolution. In the conditions of conceptual uncertainty, there is a need to study the semantic content of the concept of "revolution", put into it by the actors of political discourse, in order to establish its key semantic features. In this paper the socio- and scientific political discourse of modern Russia is studied with the help of discourse analysis in order to identify the main semantic characteristics of the concept of "revolution" in it. Special attention is paid to the correlation of the concepts of "revolution", "color revolution" and "velvet revolution". It is concluded that at the present stage in the political discourse of Russia, the concept of "revolution" has almost completely lost its classical semantic content and has practically become identical to the concept of «color revolution» in its securitized interpretation. At the same time, there are still attempts to separate both concepts in the scientific political discourse. The concept of «velvet revolution» is much less common in the political discourse of Russia, and in semantic terms is the complete opposite of the concept of "color revolution".

Keywords: revolution; color revolution; velvet revolution; political discourse; socio-political discourse; scientific political discourse; semantic content; securitization

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Stepanov, Mikhail A. | E-mail: mstepanov@gaugn.ru
Junior research fellow

For citation: Stepanov M. A. Some questions of the semantic content of the concept of "revolution" in the political discourse of Russia at the present stage // Social'nye i gumanitarnye znanija. 2023. Vol. 9, No 1. P. 18-31. (in Russ.)

© Yaroslavl State University, 2023
This is an open access article under the CC BY license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 1
сайт журнала: http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk

ПОЛИТОЛОГИЯ

Некоторые вопросы семантического содержания понятия «революция» в политическом дискурсе России на современном этапе

М. А. Степанов[1]

[1]Институт государства и права Российской академии наук, ул. Знаменка, 10, Москва, 119019, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-18-31
УДК 323.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Понятие «революция» является на сегодняшний день одним из самых неоднозначных в системе социально-гуманитарного знания. Всё больше внимания обращает на себя проблема постепенного увеличения объёма данного понятия, когда им начинают обозначать явления, которые с точки зрения классических подходов не могут быть охарактеризованы как революция. В условиях понятийной неопределённости возникает потребность в изучении семантического содержания понятия «революция», вкладываемого в него субъектами политического дискурса, с целью установления его ключевых смысловых признаков. В настоящей работе при помощи метода дискурс-анализа исследуется общественно- и научно-политический дискурс современной России с целью выявления в нём основных семантических характеристик понятия «революция». Особое внимание уделяется соотношению понятий «революция», «цветная революция» и «бархатная революция». Сделан вывод о том, что на современном этапе в политическом дискурсе России понятие «революция» почти полностью утратило своё классическое семантическое содержание и практически стало тождественно понятию «цветная революция» в его секьюритизированной трактовке. При этом в научно-политическом дискурсе ещё встречаются попытки разделить оба понятия. Понятие «бархатная революция» гораздо реже встречается в политическом дискурсе России и в семантическом плане является полной противоположностью понятию «цветная революция».

Ключевые слова: революция; цветная революция; бархатная революция; политический дискурс; общественно-политический дискурс; научно-политический дискурс; семантическое содержание; секьюритизация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Степанов, Михаил Антонович	E-mail: mstepanov@gaugn.ru Младший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции

Для цитирования: Степанов М. А. Некоторые вопросы семантического содержания понятия «революция» в политическом дискурсе России на современном этапе // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 1. С. 18-31.

© ЯрГУ, 2023
Статья открытого доступа под лицензией CC BY (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

На современном этапе проблема постепенного увеличения объёма понятия «революция» всё больше заставляет обращать на себя внимание. Как известно, увеличение объёма того или иного понятия, т. е. расширение круга охватываемых им явлений, влечёт за собой сокращение его содержания – признаков, данное явление определяющих. Великие революции, будь то французская или русская, американская или китайская, уходят всё дальше в прошлое, но ореол славы, окружающий их, и представление о них как о предвестнике скорых перемен к лучшему глубоко укоренились в сознании людей [1, с. 16]. Революция присутствует в современном мире лишь «в качестве симптоматики вытесненного и забытого, в качестве “эха” и в качестве напряжения между универсальной свободой и её институционально партикулярными “оковами”» [2, с. 15–16]. Политические преобразования в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI вв., их анализ и представление как новых, современных форм революции привели к тому, что сегодня многие восстания или государственные перевороты, легитимируемые посредством мобилизации масс населения, называют революцией.

В условиях неопределённости понятия «революция», связанной с вкладываемым в него различным семантическим содержанием, возникает необходимость изучения данного содержания в российском политическом дискурсе с целью определения ключевых семантических характеристик понятия «революция», доминирующих в нём на современном этапе. При этом выбор отечественного политического дискурса обусловлен устойчивым наличием в нём революционной тематики, что стало особенно заметно после событий на Украине в 2014 г. По этой причине в настоящей работе ставится целью изучение семантических аспектов понятия «революция», а также производных от него, таких как «цветная революция» и «бархатная революция», в политическом дискурсе современной России. Для достижения поставленной цели исследуется общественно-политический и научно-политический дискурс России как совокупность устных и письменных текстов, находящихся во взаимодействии друг с другом. Методологической основой исследования является метод дискурс-анализа, посредством которого изучаются следующие категории источников: научная литература, комментарии официальных лиц, публикации прессы, социологические опросы и документы стратегического планирования России.

О классическом содержании понятия «революция»

Понятие «революция» является на сегодняшний день одним из самых неоднозначных в системе социально-гуманитарного знания. На современном этапе существуют серьёзные споры не только по поводу его определения, но и по поводу возникновения. Известно, что современное слово «революция» имеет латинские корни и происходит от «revolutio» – «откатывание», «круговорот» [3, с. 87]. Согласно одной из точек зрения, данное слово можно обнаружить в трудах античных философов – Платона и Аристотеля [Там же]. Но, по мнению Э. Э. Шульца, вероятнее всего, впервые слово «революция» в политическом контексте употребил Н. Макиавелли в работе «Государь» [Там же. С. 88], но, возможно, с целью придания дополнительной литературной образности своим высказываниям, как обычное слово из повседневной жизни [Там же. С. 89]. Например, в русском переводе «Государя» встречается

уже слово «перевороты», а не «революция» [4, с. 135]. Напротив, слово «революция» как термин, обозначающий конкретное понятие – «политический переворот», – первым стал употреблять в своих работах английский мыслитель Ф. Бэкон [3, с. 89].

Общепринятого определения понятия «революция» не существует. Не сильным преувеличением будет сказать, что сколько имеется трудов, посвящённых данному явлению, столько же можно обнаружить и определений – каждый автор старается дать своё толкование этому феномену. Попытка продемонстрировать всё то многообразие подходов к определению понятия «революция», что наличествуют в современной науке, если бы и была возможной, то уж точно заняла бы большое количество времени. О. Ю. Бойцова и вовсе называет усилия по систематизации подходов к трактовке понятия «революция» сизифовым трудом [5, с. 31]. Поэтому мы ограничимся лишь некоторыми из них.

Так, К. Бринтон считает, что революция – это нелегальное изменение существующего режима, совершаемое порой при помощи насилия [6, с. 11]. Э. Гидденс обозначает революцию как «переворот существующего политического порядка с помощью массового движения с применением силы» [7, с. 394]. С точки зрения Ч. Тилли, результатом революции будет масштабная смена одной группы держателей власти другой при помощи широкой мобилизации противоборствующими группами своих сторонников [8, с. 193–195]. С. Хантингтон в одной из своих работ пишет: «Революция – это быстрая, фундаментальная и насильственная, произведённая внутренними силами общества смена господствующих ценностей и мифов этого общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, правительственной деятельности и политики» [9, с. 269]. И добавляет, что революции следует отличать от восстаний, мятежей, бунтов и переворотов, которые способны привести к смене правительства, политики или институтов, но не к трансформации социальной структуры и ценностей [Там же].

Одно из наиболее популярных определений изучаемого феномена дала Т. Скочпол, по мнению которой революция – это «быстрая, фундаментальная трансформация государственных и классовых структур общества; она сопровождается и отчасти осуществляется низовыми восстаниями на классовой основе» [10, с. 25]. Ученый отмечает, что революция отличается от прочих конфликтов и процессов трансформации «совпадением структурных социальных изменений с классовыми восстаниями и совпадением политических трансформаций с социальными» [Там же].

Американский политолог Дж. Голдстоун даёт весьма широкое определение понятию «революция», под которым он понимает «попытку преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемую формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» [11, с. 61].

Несмотря на разность приведённых определений, общим у них является указание на насильственный и нелегальный характер совершаемых акторами революции действий, мобилизация масс населения и существенные политические изменения. Как отмечает Н. С. Розов, в процессе революции «непременно переживают преобразование (трансформацию) отношения и устойчивые системы правил (институты) политического взаимодействия» [12, с. 95]. В то же время некоторые авторы особо

подчёркивают фундаментальный характер происходящих изменений, затрагивающих не только политическую сферу жизни общества, но и социальные отношения.

Говоря о классическом содержании понятия «революция», мы имеем ввиду в первую очередь представления, базирующиеся на опыте Великих (классических) революций, результатом которых стали серьёзные изменения практически на всех уровнях жизни общества, а не только на политическом. Данные представления о революции, с одной стороны, отсылают к ранее доминировавшему в отечественном политическом дискурсе формационному подходу. С другой – схожий взгляд на рассматриваемое явление можно найти, например, в работах С. Хантингтона и Т. Скочпол. При этом, несмотря на условность употребления слова «классический» в этом контексте, данный подход позволяет взять за точку отсчёта некоторое, ранее сложившееся в политическом дискурсе представление о рассматриваемом явлении и проследить его семантическую динамику.

К. Маркс называл революции «локомотивами истории» [13, с. 86], которые устремлены к началу подлинной истории человечества. В современных реалиях мы вряд ли встретим столь возвышенную характеристику революции – событий, которые обозреватели стремятся окрестить революциями, стало за последние пару десятилетий настолько большое количество, что само слово «революция» начало терять свой классический смысл. Сегодня те политические изменения, которые называются революциями, например, события на Украине в 2013–2014 гг. или в Грузии в 2003–2004 гг., не приводят не только к смене формаций, но и к сколь-либо серьёзным социетальным трансформациям. Как нам видится, такое положение дел стало возможным из-за отсутствия общепринятого определения понятия «революция», из-за чего в него может вкладываться смысл, предпочтительный в данный момент времени его интерпретатору. К сожалению, практика подобного «натягивания» понятия на различные явления с той или иной целью приводит к «размыванию» и обесцениванию самого понятия, что позволяет С. Г. Ильинской заявить о «смерти» концепта революции [2, с. 65] и признать, что «подлинные» (подобные французской или русской) революции уходят в небытие [Там же. С. 79].

Революция и «цветная революция»

Здесь мы вплотную подходим к такому феномену, как «цветная революция». Данное понятие появляется около 2003–2005 гг. в качестве общего наименования ряда антиправительственных выступлений в Киргизии, Грузии, на Украине и др., приведших к смене власти в данных странах. В современном российском общественно- и научно-политическом дискурсе понятие «цветная революция» имеет негативное значение и используется для того, чтобы делегитимировать смену власти в той или иной стране в результате массовых антиправительственных акций протеста, которые объявляются инспирированными извне, искусственными, не имеющими под собой серьёзного основания [14, с. 946]. Как отмечает И. А. Мамзелев, в России «цветные революции» рассматриваются как нелегальные технологии захвата власти, «включающие манипулирование общественным мнением, организационные меры, приёмы уличной борьбы», инициаторами которых выступают страны Запада с целью нанесения ущерба России [15, с. 71–72].

На уровне общественно-политических дискуссий понятия «цветная революция» и «революция» могут использоваться как тождественные. Напротив, в науч-

ном дискурсе часто встречаются попытки разграничить оба понятия. Так, например, Е. Г. Пономарёва отмечает, что одной из отличительных черт «цветной революции» от собственно революции является то, что последняя несёт в себе сильное идейно-ценностное содержание [16, с. 290]. Вместе с фундаментальными изменениями в политической, экономической и социальной сферах жизни общества происходит коренной слом старых идейно-ценностных установок. О. Ю. Бойцова ставит вопрос о субъектности участников современных революций: действительно ли революционеры совершают осознанный политический выбор или исполняют заранее написанную кем-то роль [5, с. 41]? И. А. Ветренко указывает на то, что «цветные революции», как правило, проходят по схожему алгоритму, строятся на «универсальных политических технологиях и отличаются только комбинациями», в то время как классические революции уникальны и неповторимы [17, с. 120].

Негативная трактовка понятия «цветная революция» в российском политическом дискурсе, вероятно, сказывается на восприятии гражданами России революции как способа трансформации социальной системы. Согласно данным социологического опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведённого в 2017 г.[1], в преддверии годовщины Октябрьской революции, лишь 38 % россиян положительно оценивают роль последней в истории России [18]. 25 % опрошенных негативно относятся к революции как к явлению и только 11 % оценивают её как движение к обновлению общества, в то время как 57 % воспринимают её как историческую неизбежность. 61 % респондентов считает, что революция, подобная Октябрьской, на современном этапе в России невозможна. При этом 92 % граждан сходятся во мнении, что революцию в России допустить нельзя, 72 % согласились с лозунгом «Переменам – да! Революции – нет!».

Данные Левада-центра*, по состоянию на 2017 г., демонстрируют примерно схожую картину: 38 % оценивают роль Октябрьской революции в истории России как скорее положительную, 10 % – как очень положительную [19]. По мнению 36 % опрошенных, Октябрьская революция дала толчок социальному и экономическому развитию народов России, в то время как 21 % считают иначе. Отвечая на вопрос о возможности повторения в современной России событий октября 1917 г., 59 % респондентов сошлись во мнении, что это маловероятно.

На современном этапе среди россиян отсутствует консенсус относительно не только Октябрьской революции, но и революции как общественно-политического явления. В целом можно сделать вывод о том, что граждане России настороженно-негативно относятся к революциям как таковым.

Любопытно также то, что в опросе ВЦИОМ присутствует блок вопросов о «цветных революциях». По мнению 35 % россиян, Россия скорее проиграет в результате «цветной революции», 28 % полагают, что она ничего не изменит [18]. 43 % граждан России готовы поддержать действующую власть в случае начала «цветной революции» против 14 %, готовых выступить на стороне оппозиции. Имея перед глазами относительно недавний пример «цветной революции» на Украине в 2013–2014 гг., 81 % респондентов придерживается мнения о том, что в результате тех событий Украина больше потеряла, чем приобрела; 96 % не хотели бы повторения украин-

[1] К сожалению, мы не располагаем более свежими данными об отношении граждан России к явлению революции, поэтому вынуждены использовать для анализа данные последних опросов на эту тему, проведённых в 2017 г.

*признан иноагентом на территории РФ

ского сценария в России. Из приведённых данных можно сделать вывод, что отношение большинства граждан России к «цветным революциям» подчёркнуто негативное.

Включив в опрос о революции блок вопросов о «цветных революциях», ВЦИОМ тем самым проводит параллель между классическим пониманием революции и новым, вкладываемым в понятие «цветной революции». С точки зрения опрашиваемого, понятия «революция» и «цветная революция» предстают если не как тождественные, то как схожие, на что мы уже указывали выше. Октябрьская революция и Евромайдан на Украине показываются как проявления одной и той же сущности. На примере опроса ВЦИОМ можно увидеть, как происходит постепенное замещение в сознании россиян классического содержания понятия «революция», опирающегося на опыт великих революций прошлого, на новое, которое теперь обозначает «цветные революции». Революция и «цветная революция» суть одно и то же в общественно-политическом дискурсе современной России. И поскольку «цветная революция» воспринимается как исключительно негативное явление, искусственное, с сильным внешним компонентом, то и революция сама по себе, без приставки «цветная» будет иметь соответствующее значение.

Марксистское понимание революции как пути перехода к более совершенной формации на пути к началу подлинной истории человечества, доминирующее в советский период истории России, уступило место пониманию революции как управляемой извне подрывной деятельности врагов государства.

«Цветная революция» и «бархатная революция»

Примеров наименования в российском политическом дискурсе тех или иных событий революциями, несмотря на то, что с точки зрения классических теорий революции их таковыми считать нельзя, множество. Так, начавшееся в ноябре 2018 г. во Франции из-за планов правительства увеличить налог на нефтепродукты движение «жёлтых жилетов» практически с первых акций протеста было названо «цветной революцией», организованной в Вашингтоне [20; 21]. Однако движение «жёлтых жилетов» в своей основе имело глубокие социально-политические и социально-экономические противоречия, накопившиеся во французском обществе за последние несколько десятилетий, которые и послужили главной причиной начала протестов, спровоцированных повышением налогов [см. подробнее: 22]. Более того, движение имело горизонтальную структуру, без чётко выраженных лидеров и координационных центров, отказалось сотрудничать с какими-либо политическими партиями, профсоюзами и др. По этой причине говорить о движении как об «искусственной революции», организованной извне с целью насильственной смены неугодного её организаторам правительства, не представляется возможным, но и говорить о революции в ином роде мы также не видим оснований, поскольку движение не привело к каким-либо серьёзным изменениям во французском обществе.

Другой пример – протесты в Казахстане в январе 2022 г., которые начались из-за повышения цен на автомобильное топливо. Как и в случае с движением «жёлтых жилетов» во Франции, события в Казахстане были охарактеризованы наблюдателями как «цветная революция», со всеми приписываемыми в российском политическом дискурсе данному явлению атрибутами [23; 24]. В научной среде также существуют работы, рассматривающие январские протесты как «цветную революцию». Например, А. В. Чаевич указывает на то, что события в Казахстане имеют явные черты

«цветной революции» [25, с. 110]. Однако другие авторы выражают сомнения в серьёзности роли внешнего фактора в рассматриваемых событиях [26, с. 58], который является одним из ключевых в российской концепции «цветных революций».

На этом фоне выделяются события лета 2022 г. в Шри-Ланке. Российские обозреватели, по состоянию на 12 июля 2022 г., весьма сдержанно подходят к оценке политического кризиса в Шри-Ланке и его последствий, подчёркивая его естественную экономическую природу [см., например, 27]. Издание «Коммерсантъ» называет смену руководства страны «бархатной революцией», однако делает это с целью подчеркнуть относительно мирный характер протестов и смены власти в стране [28]. В заявлении МИД РФ от 11 июля отмечается, что события в Шри-Ланке являются её внутренним делом и что Россия готова сотрудничать с новым правительством страны [29]. При этом в том же заявлении указывается на то, что накануне массовых акций протеста 9–10 июля, которые привели к захвату резиденций высших должностных лиц государства, представители ряда западных дипмиссий «открыто призывали местные силовые структуры не препятствовать “мирно протестующим ланкийцам”» [29]. Иначе говоря, МИД России допускает возможность существования в протестах в Шри-Ланке активного экзогенного элемента. Данная позиция делегитимирует акции протеста, поскольку если они были организованы иностранными акторами, т. е. это была «цветная революция», то это значит, что население было введено в заблуждение и действовало не в собственных интересах. Схожего мнения придерживается часть российских граждан. Проведённый ИА «Regnum» анализ публикаций в социальных сетях показал, что некоторые пользователи придерживаются точки зрения, согласно которой за организацией протестов в Шри-Ланке стоят Соединённые Штаты и их союзники [30].

На сдержанный характер оценок политического кризиса в Шри-Ланке относительно событий во Франции 2018–2019 гг. и Казахстане 2022 г. может влиять, во-первых, отдалённость данного государства от границ России, т. е. невозможность распространения нестабильности на территорию последней, как, например, это было в ситуации с Казахстаном, когда такую вероятность полностью исключить было нельзя.

Во-вторых, незначительная позиция, которую занимает Шри-Ланка в политическом противостоянии между Западом и Россией. Например, в случае с Францией и движением «жёлтых жилетов» российские обозреватели стремились подчеркнуть разногласия между странами Европы и США и показать, что Соединённые Штаты готовы пойти на смену руководства страны-союзника, если оно перестаёт отвечать интересам Вашингтона. В условиях напряжённости в отношениях между Россией и Западом во второй половине 2010-х протесты во Франции 2018–2019 гг. предоставили дополнительную возможность указать на готовность США нарушать принципы международного права для реализации собственных интересов в мировой политике.

Шри-Ланка не представляет для России на современном этапе политического интереса. По этой причине оценки политического кризиса в этой стране в российском политическом дискурсе не отличаются такой резкостью, как в случае с приведёнными выше примерами, несмотря на то, что допускается возможность иностранного вмешательства. На уровне официального политического дискурса последнее,

вероятно, делается для поддержания общего негативного представления о насильственной смене политической власти как явления.

Упомянутое выше словосочетание «бархатная революция» практически не используется в российском политическом дискурсе. Понятие «бархатная революция» уходит корнями в события 1989 г. в Чехословакии и, как правило, применяется в качестве обобщающего по отношению к массовым антиправительственным выступлениям в странах социалистического блока Центрально-Восточной Европы в 1980-х – 1990-х гг., приведших к смене политических режимов в этих государствах [см., например, 31]. Слово «бархатная» в данном случае подчёркивает мирный характер акций протеста и процесса транзита власти. А слово «революция», вероятно, является отражением устоявшейся практики наименования данным словом любой насильственной, нелегальной смены власти с активным участием народных масс. При этом насилие в этом случае следует понимать не столько как большое количество человеческих жертв, сколько как антиобщественное действие в принципе.

Но политические события конца XX в. в Центрально-Восточной Европе уже стали достоянием истории и редко входят в российский политический дискурс. На современном этапе понятие «бархатная революция» в основном употребляется при описании политического кризиса в Армении в апреле – мае 2018 г. Серия антиправительственных акций протеста, завершившихся отставкой правительства и премьер-министра С. А. Саргсяна и приходом к власти лидера оппозиции Н. В. Пашиняна, получила наименования «бархатная революция» за мирный, бескровный характер протестов. Как отмечает А. В. Атанесян, за время протестной активности не было зафиксировано ни одного инцидента с летальным исходом среди участников конфликта и ни одного случая прямого столкновения протестующих с полицией [32, с. 91], чего, например, нельзя сказать о трагических событиях на Украине в 2013–2014 гг. или Казахстане в 2022 г.

Однако понятие «бархатная революция» в отношении транзита власти в Армении в 2018 г. нечасто используется в российском политическом дискурсе. Например, российское интернет-издание «Lenta.ru» в декабре 2019 г. именовало события 2018 г. в Армении «бархатной революцией», но, судя по тону публикации, подчёркивающей трудности, с которыми пришлось столкнуться новому правительству, делало это с некоторой долей иронии [33]. В основном понятие «бархатная революция» используют авторы из самой Армении [см., например, 32; 34]. В целом в России весьма сдержанно отнеслись к смене власти в Армении. Официальный представитель МИД РФ М. В. Захарова на брифинге 26 апреля 2018 г. подчёркивала, что политический кризис в Армении является исключительно внутренним делом этой страны [35]. Как и в случае со Шри-Ланкой, связано это может быть, во-первых, с отсутствием прямой угрозы со стороны кризисных явлений в Армении для безопасности России. Во-вторых, с зависимостью Армении, имеющей сложные отношения с граничащими с ней Турцией и Азербайджаном, от гарантий безопасности России. В-третьих, с отсутствием антироссийской риторики со стороны лидеров протеста. Тем не менее некоторые российские авторы называют политический кризис в Армении и его итоги «цветной революцией» [36, с. 125].

Следует различать понятия «цветная революция» и «бархатная революция» в российском политическом дискурсе. Как было отмечено выше, под «цветной революцией» в первую очередь понимаются применяемые внешними акторами тех-

нологии нелегальной смены политической власти, включающие манипуляцию общественным мнением и задействование в политической борьбе широких масс населения. Целью данной практики является нанесение политического и экономического урона России. Напротив, «бархатная революция» представляет собой скорее исключение из общего правила. Данное понятие применяется в случаях, когда кризисные явления, способные привести или приводящие к смене политической власти, серьёзно не затрагивают интересы России; когда транзит власти проходит относительно безболезненно и когда новые лидеры не придерживаются антироссийской риторики. Однако необходимо отметить, что в случае с «бархатными революциями» мы располагаем лишь примером Армении, и, следовательно, при определении семантического содержания и места понятия «бархатная революция» в политическом дискурсе России на современном этапе вынуждены опираться только на данный пример. Кроме того, нужно также иметь в виду, что события в Армении получили наименование «бархатная революция» в первую очередь от самих участников протестных акций, что затем было распространено СМИ. Тем не менее тот факт, что данное наименование не встретило серьёзного сопротивления в отечественном политическом дискурсе и не было однозначно названо «цветной революцией», как, например, события в Казахстане или на Украине, по нашему мнению, говорит в пользу приведённых доводов.

Таким образом, доминирование понятия «цветная революция» в российском политическом дискурсе не абсолютно, в некотором роде ситуативно. Оно используется в зависимости от характера кризисных событий. Вместе с тем его положение весьма значительно. Как отмечает Н. В. Юдин, «цветная революция» как явление становаится объектом секьюритизации [37, с. 61], т. е. возводится в ранг главных угроз национальной безопасности страны независимо от того, имеется ли такая угроза на самом деле или нет, поскольку секьюритизация является частью дискурса безопасности. Другими словами, безопасность в данном случае рассматривается не как объективно существующая реальность, но как речевой конструкт, порождение дискурса. Один из основателей теории секьюритизации, О. Вэйвер, писал в этой связи: «Говоря “безопасность”, политик переносит ситуацию в особое поле, стремясь получить право действовать для нейтрализации нежелательной динамики» [Цит. по: 38, с. 27]. Секьюритизация, таким образом, тесно связана с проблемой расширения властных полномочий политических субъектов.

Факт отнесения явления «цветных революций» к вопросу безопасности находит подтверждение не только в преобладании сугубо негативной, охранительной трактовки понятия «цветная революция», но и в документах стратегического планирования России. Так в пп. 1 п. 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. одной из задач, решение которых направлено на достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности, ставится недопущение вмешательства во внутренние дела страны, посягательств на основы конституционного строя России «в том числе путём инспирирования “цветных революций”»[2].

[2] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. 02.07.2021. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602263723 (дата обращения: 15.07.2022).

Заключение

Возвращаясь к проблеме соотношения понятий «революция» и «цветная революция», зададимся вопросом: можно ли те события, которые принято называть «цветными революциями», считать действительно революцией? С одной стороны, учитывая всё вышеизложенное, ответ на данный вопрос во многом будет зависеть от вкладываемого в само понятие «революция» содержания. Признавая созидательную силу дискурса, а также то, что «реальность невозможно рассматривать вне самого дискурса» [39, с. 49], стоит принять тот факт, что понятие «революция», проходя через множественные дискурсивные практики, естественным образом видоизменялось, подстраиваясь под реалии конкретной эпохи; принять, что те смыслы, которые приобрело понятие «революция» под влиянием Великих революций, больше не соответствуют духу времени, противоречат его идейно-ценностному наполнению, а у самого понятия не может быть раз и навсегда данного определения. Дж. Голдстоун, например, по прошествии времени видоизменил, расширил свою трактовку революции, приведённую нами выше: по его мнению, революция – это «насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания политических институтов» [1, с. 19]. Б. Г. Капустин пишет, что окончательное определение понятия «революция» возможно только в рамках и в качестве продукта универсальной теории, которая становится таковой в силу своей возможности уловить неизменную сущность революции, «своеобразно обнаруживающуюся в разных революционных явлениях» [2, с. 6], однако, это приведёт к смерти самой революции [Там же. С. 31] как чрезвычайно динамичной и трудноуловимой сущности. Иными словами, революция сегодня – это всё то, что мы назовём революцией.

Вместе с тем, с другой стороны, обилие подходов к пониманию явления революции и обилие вызываемых ими споров о том, что можно считать революцией, а что нельзя, не позволяет создать даже в общих чертах некой обобщённой теории революции или хотя бы существенно сократить количество данных теорий. Более того, как пишет Э. Э. Шульц, исследования XXI в. мало способствовали прогрессу в этой области в качественном отношении и будущие исследователи непременно продолжат сталкиваться с проблемой концептуализации понятия «революция» [40, с. 139], что, в свою очередь, будет лишь способствовать расширению круга понятийного плюрализма. Поэтому, возможно, стоит признать концепт «революции» (а вместе с ним и «цветной», и «бархатной») в принципе несостоявшимся и отбросить его, заменив каким-нибудь более нейтральным, например, «конфликтная трансформация социальной системы» или, как предлагает Б. Г. Капустин, «социальные изменения» [2, с. 20].

Таким образом, в ходе проведённого исследования нам удалось установить, что в политическом дискурсе России на современном этапе понятие «революция» практически полностью было поглощено понятием «цветная революция», которое определяется как совокупность политических технологий нелегального свержения политической власти, включающих манипуляцию общественным мнением, массовую мобилизацию населения при существенной роли экзогенных факторов. При этом в научно-политическом дискурсе России ещё встречаются попытки разделить оба понятия. Указывается на существенные отличия между революцией и «цветной ре-

волюцией», например, по части масштаба социальных изменений, идейно-ценностному содержанию и методологическим особенностям прохождения революционных процессов. Однако в общественно-политическом дискурсе практически безраздельно доминирует понятие «цветная революция». Последняя приобретает черты экзистенциальной угрозы российской государственности, секьюритизируется, что находит отражение не только в политическом, но и в правовом дискурсе. Понятие «революция» не встречается, если речь не идёт о Великих революциях прошлого. Вместе с тем, помимо понятия «цветная революция», в общественно-политическом дискурсе России встречается понятие «бархатная революция», которым обозначается насильственная, нелегальная, но в то же время бескровная смена власти в стране, не затрагивающая интересы России и не отличающаяся антироссийской риторикой. В целом можно констатировать, что сегодня понятие «революция» в политическом дискурсе России практически полностью утратило своё классическое семантическое содержание, уступив место «цветным» и «бархатным революциям.

Ссылки

1. Голдстоун Дж. А. Революции. Очень краткое введение / Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 200 с.

2. Революция как концепт и событие: монография / Редколлегия: А. А. Вартумян, С. Г. Ильинская, М. М. Фёдорова М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2015. 183 с.

3. Шульц Э. Э. «Революция»: к вопросу о возникновении термина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 24 (245). С. 87–93.

4. Макиавелли Н. Государь. О военном искусстве / Никколо Макиавелли; [пер. с итал.]. М.: Издательство АСТ, 2019. 416 с.

5. Бойцова О. Ю. «Революция» как концепт-перевёртыш: к вопросу о применимости теории революции // Философия политики и права. 2017. № 8. С. 28–42.

6. Brinton K. The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded edition. N.Y.: Vintage Books, 1965. 320 p.

7. Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.

8. Tilly C. From Mobilization to Revolution. N.Y.: Random House, 1978. 362 p.

9. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

10. Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая / Пер. с англ. С. Моисеев; научный редактор перевода Д. Карасев. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 552 с.

11. Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58–103.

12. Розов Н. С. Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 92–108.

13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 7. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 670 с.

14. Цветкова Н. А. Дискурс «цветных революций» // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2, № 2. С. 940–950.

15. Мамзелев И. А. Сравнительный анализ подходов к изучению «цветных революций» // Вестник социально-политических наук. 2021. № 20. С. 68–81.

16. Революция в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года: матер. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г. / Под. ред. В. М. Доброштана, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш. СПб.: ФГБОУ ВО «СПбГУПТД», 2017. 649 с.

17. Ветренко И. А. «Революция» и «цветная революция» как теоретические конструкты политической науки // Вестник Омского университета. Серия: исторические науки. 2018. № 1. С. 118–121.

18. Революция: 1917–2017. Перемены vs стабильность // ВЦИОМ. 11.10.2017. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-10-11_oct100.pdf (дата обращения: 15.07.2022).

19. Октябрьская революция // Левада-центр.* 05.04.2017. URL: https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revolyutsiya-2/ (дата обращения: 15.07.2022).

20. Какого цвета бензин // Российская газета. 03.12.2018. URL: https://rg.ru/2018/12/03/ssha-oprobuiut-vo-francii-tehnologii-cvetnyh-revoliucij.html (дата обращения: 15.07.2022).

21. Майдан в Париже: Трамп ставит Франции условия, но все ищут «след Кремля» // Sputnik Латвия. 11.12.2018. URL: https://lv.sputniknews.ru/analytics/20181211/10287009/maydan-paris-trump-stavit-france-usloviya-vse-ischut-sled-kremlya.html (дата обращения: 15.07.2022).

22. Степанов М. А. Идеи и ценности движения «жёлтых жилетов» во Франции // Полилог/Polylogos. 2022. Т. 6. № 2. URL: https://polylogos-journal.ru/s258770110018021-5-1 (дата обращения: 15.07.2022).

23. Казахстан: цветная революция пополам с исламским джихадом // Еженедельник «Звезда». 10.01.2022. URL: https://zvezdaweekly.ru/news/202218131-tip1B.html (дата обращения: 15.07.2022).

24. В Госдуме назвали события в Казахстане попыткой цветной революции // РИА Новости. 06.01.2022. URL: https://ria.ru/20220106/kazakhstan-1766775249.html (дата обращения: 15.07.2022).

25. Чаевич А. В. «Цветная революция» в Казахстане как очередная угроза национальной безопасности России // Власть. 2022. Т. 30. № 1. С. 110–115.

26. Притчин С. А. Политический кризис в Казахстане // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 1 (54). С. 56–57.

27. Политический кризис на Шри-Ланке: захват резиденции президента и новый глава государства // BFM.ru. 09.07.2022. URL: https://www.bfm.ru/news/504092 (дата обращения: 15.07.2022).

28. Незаживающая Шри-Ланка // Коммерсантъ. 11.07.2022. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5457676 (дата обращения: 15.07.2022).

18+ Центр Юрия Левады признан иноагентом на территории РФ

29. Комментарий официального представителя МИД России М. В. Захаровой в связи с ситуацией в Шри-Ланке // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 11.07.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1821486/ (дата обращения: 15.07.2022).

30. На Шри-Ланке захвачена президентская резиденция. Сеть: «Доигрались?» // Regnum. 09.07.2022. URL: https://regnum.ru/news/3642514.html (дата обращения: 15.07.2022).

31. Бутенко А. П. О «бархатных» и «небархатных» революциях в странах Центрально-Восточной Европы // Россия и современный мир. 2000. № 3 (28). С. 59–68.

32. Атанесян А. В. «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политико-протестной активности // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 80–98.

33. Бархатные полумеры Революция в Армении должна была изменить страну. Почему чуда не произошло? // Lenta.ru. 23.12.2019. URL: https://lenta.ru/articles/2019/12/23/barhat/ (дата обращения: 15.07.2022).

34. Манасерян Т. Н. Политэкономия «бархатной революции»: особенности и уроки // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019. № 3. С. 10–16.

35. Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 26 апреля 2018 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 26.04.2018. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1569803/#39 (дата обращения: 15.07.2022).

36. Максимов Е. Н. Политические элиты как ведущий фактор цветных революций на постсоветском пространстве // Вопросы элитологии. 2020. Т. 1. № 1. С. 115–128.

37. Юдин Н. В. Секьюритизация дискурса «мягкой силы» в российских международно-политических исследованиях // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2019. Т. 4. № 2. С. 56–72.

38. Гайдаев О. С. Теория секьюритизации, или хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–32.

39. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ., 2-е изд., испр. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.

40. Шульц Э. Э. Революция: к вопросу об определении термина // Социологические исследования. 2014. № 4 (360). С. 132–142.